В.В. Коротеева

Экономический национализм в республиках России

Понятие "экономический национализм" стало широко применяться в научной и публицистической литературе с конца 1920-х годов и с тех пор прилагалось к самым разнообразным аспектам экономической политики государств[1]. Единого определения этого понятия в литературе не сложилось, хотя по поводу сути и форм проявления экономического национализма накоплено много частных наблюдений. В данной статье мне бы хотелось суммировать некоторые теоретические положения, существующие в данной области в англоязычной литературе и доказать продуктивность приложения понятия "экономический национализм" к политико-экономическим проблемам республик внутри России. Это несколько нетрадиционное использование данного понятия, что требует его особого обоснования.

Наиболее часто словосочетание "экономический национализм" встречается в работах экономистов, описывающих те или иные меры экономической политики самостоятельных государств. На языке формальной экономики он означает некоторую иррациональность экономического поведения,

игнорирование реальных интересов и подчинение действий политическим целям - будь то самоутверждение, стремление к самодостаточности или вызов своим политическим соперникам. Так, А.Бретон сводил экономический национализм к нежеланию допускать вложения иностранного капитала в страну, использовать иностранный технический и управленческий персонал[2]. М.Олсон ставит знак равенства между протекционизмом как особой торговой политикой для поддержания местного производства и национализмом [3].

Пафос таких работ - доказать ограниченность экономических идей национализма и защитить идеи экономического либерализма. Однако рядом исследователей уже отмечалась бесперспективность попыток определения экономического национализма через перечисление конкретных мер экономической политики[4]. В разных обстоятельствах эти меры могут иметь различный, порой прямо противоположный смысл. Так, отстаивание свободной торговли в противоположность протекционизму тоже можно рассматривать как проявление экономического национализма - но в данном случае со стороны экономически доминирующей державы (Англии в XIX веке, США в XX-ом). Даже правительства, громко декларирующие свою приверженность экономической защите нации, вовсе не обязательно будут демонстрировать враждебность любому виду иностранного участия или заимствованию технологий. На мой взгляд, следует, во-первых, отказаться от априорно оценочного подхода к определению экономического национализма, во-вторых, в большей степени увязать это определение с общеполитическим понятием национализма.

Отождествление экономического национализма с отстаиванием национальных экономических интересов позволяет избежать оценочного подхода. Однако, сами национальные экономические интересы - понятие весьма расплывчатое. Как правило, оно включает достижение наибольшего благосостояния населения (измеряемого величиной валового внутреннего продукта или доходом на душу населения) и могущества государства. В этом случае любую сколько-нибудь согласованную политику государства можно характеризовать как экономический национализм. Не очень помогает и уточ-

нение о следовании своим экономическим интересам, не обращая внимания на интересы других государств или наций, а иногда даже вопреки им[5]. Оставаясь целиком в области экономических понятий, невозможно добиться достаточно общего определения экономического национализма, которое одновременно не было бы тавтологией. Более полезно, как делают ряд авторов, установить соотношение экономики и политики в деятельности государств, субординацию экономических и неэкономических целей.

На мой взляд, наиболее удачное определение было предложено еще в 1930-е гг. У.Раппардом : "Экономический национализм - это доктрина, предназначенная служить нации, делая ее не богаче, но свободнее, обеспечивая скорее ее независимость от иностранного влияния, чем материальное благосостояние"[6]. Ключевые понятия, используемые в связи с комплексом идей экономического национализма - это экономическая независимость, суверенитет, контроль над принятием решений. По словам Г.Джонсона, это "...логическая связь, идущая от национализма к экономической политике"[7]. Экономическая независимость может считаться необходимым условием для фактического осуществления политической независимости или же сама по себе являться одним из проявлений политической независимости (так, принятие некоторых самостоятельных экономических мер может быть вызовом, демонстрацией политической свободы). Преимущество подобных определений в том, что они помогают применять категории, выработанные в обширнейшей литературе по национализму - такие, как автономия, самоопределение, идентичность, национальное достоинство. На мой взгляд, лишь исходя из конечных целей экономического национализма, можно охарактеризовать различные меры, предпринимаемые для их реализации. Такие меры не обязательно представляют продуманную систему, могут приниматься ad hoc, найти выражение в повседневной практике. Их эффективность следует оценивать иногда не столько с экономической, сколько с политической точки зрения.

Насколько правомерен перенос концепций, применяемых как правило к независимым национальным государствам,

чаще всего новым и развивающимся (хотя и не обязательно), на республики внутри федеративного государства, России? По ряду признаков эти республики являются национальными государствами. Само их существование в качестве республик, а не просто административных единиц, обусловлено вовсе не многонациональным составом (многонациональными являются и многие области России). Идея, лежащая в основе выделения республик - это предоставление государственности одной или нескольким этническим группам, которые и дают ей название. Несмотря на то, что носителем суверенитета в республике обычно декларируется все ее многонациональное население, сохраняется особая связь между титульной группой (или группами) и государством. Наличие автономных органов государственного управления в республиках позволяет говорить о государственной политике, включая экономическую.

Вместе с тем вхождение в единое экономическое и политическое пространство Российской Федерации накладывает ограничения на возможности самостоятельного принятия решений (например, в области денежной политики). Другое дело, что степень фактического вхождения в состав федерации может быть различной - и определение этой степени как раз и относится к самому содержанию экономического национализма. В отличие от политики независимых государств, которые утверждают свое место в системе других государств и на мировом рынке, республики Российской Федерации прежде всего определяют позицию во взаимоотношениях с федеральными властями, которая влияет и на их поведение во взаимоотношениях с другими странами. Отсутствие независимой государственности видоизменяет политические цели экономического национализма: это подспудное создание экономической базы для политической самостоятельности. Такая цель не обязательно явно выражена в разного рода декларациях (о ней говорится скорее намеками). Она даже не обязательно разделяется большинством нации. Она может присутствовать как общий ориентир в долгосрочной перспективе. Постепенность экономических шагов позволяет поразному интерпретировать их, подавать одновременно про-

тивоположные сигналы - например, одни - националистически настроенной интеллигенции, другие - федеральным властям и населению за пределами республики.

Сами масштабы России и разнообразие ее условий неизбежно подталкивают к регионализации, к некоторому обособлению и утверждению самостоятельности территорий - будь то "национальные" или "преимущественно русские" регионы. Поэтому полезно различать регионализм (даже этнорегионализм) и экономический национализм. В первом случае достижение собственно экономического суверенитета как права распоряжения своими ресурсами может быть конечной целью. Во втором случае экономический суверенитет, ценный сам по себе, может быть лишь первым шагом к обеспечению экономических условий для полной политической независимости.

Тенденция к установлению контроля республик над своими ресурсами прослеживается во всех четырех изучаемых республиках - Татарстане, Туве, Северной Осетии, Саха (Якутии). Однако "про-странство для маневра" во взаимоотношениях с федеральными властями у них неодинаковое. В экономической литературе предпринимались уже попытки оценить экономический потенциал для сепаратизма[8]. По имеющимся классификациям, Татарстан лидирует как по общему потенциалу сепаратизма, так и по его экономической составляющей. За Татарстаном следует Тува, однако по своим экономическим условиям она мало предрасположена к отделению. Интересно, что Чечня помещена в этой классификации на седьмое место, а оценка потенциала ее экономической самостоятельности минимальна. Из этих выкладок (в которых, кстати, не учтена Саха (Якутия)) можно заключить, что экономические факторы в вопросах национализма мало что могут объяснить или предсказать. Единственное, что можно утверждать: если прагматические соображения будут приняты во внимание, тенденция к демонстративно-независимой политике экономически нерациональна в Туве и Северной Осетии. Так, доля собственных доходов в бюджете (без косвенных дотаций) республик составляла в 1994 г. 20%

в Туве, 29 % в Северной Осетии по сравнению с 87% в Саха (Якутии) и 77 % в Татарстане[9].

Из республик, изучаемых в соответствии с Проектом, наиболее активную политику экономического национализма проводят Татарстан и Якутия. Обе они располагают стратегическими ресурсами, позволяющими занимать довольно жесткую политику в переговорах с федеральными властями. Татарстан до 1994 г., а Якутия до конца первого квартала 1995 г. фактически не платили налогов в федеральный бюджет. Эти республики обладают привилегиями во внешнеэкономической деятельности. Особый статус обеих в Российской Федерации закреплен договорами. Но, вместе с тем, есть и некоторые существенные различия в линии поведения руководства республик. В Саха (Якутии) утверждение ее экономического суверенитета сочетается с требованиями к федеральному правительству проводить политику "государственного протекционизма" по отношению к республике[10]. Ее необходимость обуславливается экстремальными условиями Крайнего Севера. В Татарстане мотив опоры на собственные силы выражен более отчетливо.

Высказывание А.Петрова, пресс-секретаря акционерной компании "Туймаада-Даймонд" является, по моему мнению, классической формулировкой идей экономического национализма. "В случае создания СП (совместных предприятий) с участием республики и иностранной фирмы для разработки нового алмазного месторождения, возникает шанс распоряжения своими алмазами, минуя Москву. Следует учесть не столько экономическую, что несомненно, сколько политическую выгоду такого шага"[11]. Другой аспект - подчинение собственно экономических расчетов "аргументам более высокого порядка"- присутствует в рассуждениях А.Филиппова о необходимости сохранения убыточного сельского хозяйства в условиях Крайнего Севера. Во-первых, "это традиционное занятие коренного населения, которое никуда уезжать отсюда не собирается", во-вторых, если государство не обеспечивает свое население продуктами питания, то об экономической независимости не может быть и речи. "В этом случае (удовлетворения разумных потребностей населения - В.К.) Рес-

публика Саха (Якутия) становится независимым национальным государством в составе РФ. А до тех пор она остается национальной автономией, как бы ее ни называли"[12].

Стремление к самообеспечению, в предельном случае - к автаркии, обычно считается одним из проявлений экономического национализма. Речь идет об самостоятельном обеспечении базисной потребности в топливе и продовольствии, а не о полном отходе от внешних экономических отношений. Обоснованием для такой политики является уменьшение уязвимости национальной экономики со стороны неконтролируемых ею и часто непредсказуемых сил извне. Учет сравнительных издержек производства при выборе самообеспечения, а не импорта более дешевых продуктов, отступает на второй план по сравнению с гарантиями экономической безопасности. Более динамичные модели экономики, используемые в настоящее время, свидетельствуют часто именно об экономически рациональном характере такого поведения[13]. В условиях России непредсказуемой для регионов является скорее не мировая, а общероссийская экономика. Сокращение зависимости от других регионов России в продуктах нефтепереработки при постоянных изменениях российской топливной политики - одна из важнейших стратегических задач как в Татарстане, так и в Саха(Якутии).

Стремление к обособлению обусловлено и тем, что российские реформы часто рассматриваются как нечто внешнее, создающее неблагоприятную обстановку для социальной стабильности в республиках. В этом отношении республики близки к большинству областей[14]. Лидеры и Татарстана, и Саха(Якутии) гордятся тем, что сумели максимально оттянуть начало экономических реформ в своих регионах, и уж если были вынуждены входить в рынок, то делали это предельно мягко. Им не раз приходилось защищаться от упреков в приверженности социалистическим ценностям и некотором консерватизме. В оправдание они выдвигали идею, что реформы - не самоцель, более важна спокойная политическая обстановка внутри республики, которая достигается сдерживанием социального расслоения[15]. Можно полагать, что действительно не только "социали-стический выбор" обусловил

темпы и методы проведения экономических преобразований в республиках. Сохранение значительной доли государственного сектора в экономике, а также жесткого контроля государства над деятельностью частного сектора преследует и национальные цели. Уже обращалось внимание на то, что новые национальные государства склонны к обобществлению собственности. Это позволяет им осуществлять больший контроль за распределением собственности и занятости в пользу своих граждан[16]. Такая же логика характерна и для республик внутри Российской Федерации, которые стремятся укрепить свою государственность. Но в этом случае речь идет не о национализации собственности, а о сдерживании приватизации и пристальном контроле за ее проведением. Доля государства в уставном капитале даже приватизированных предприятий в Татарстане достигает 44%[17]. Создание инвестиционно-финансовой корпорации для залогового обеспечения и страхования иностранных инвестиций, в которой Республике Татарстан принадлежит 35% уставного капитала[18], стимулирование финансово-промышленных групп под эгидой государства в Саха (Якутии)[19] - это наглядные проявления "национально-ориентированного капитализма".

В условиях новой "коренизации" правительственного аппарата и парламента в республиках Российской Федерации широкое поле деятельности государства может влиять на самые разные аспекты существования этнических групп внутри самих республик. Например, при резких различиях в социальной структуре саха(якутов) и русских любые государственные решения, касающиеся структурной перестройки экономики, неизбежно будут учитывать интересы народа саха. Это уже проявляется в поддержке убыточного сельского хозяйства или создании новых рабочих мест в алмазогранильной промышленности в сельских районах.

Нынешний этап осуществления экономического суверенитета в обеих республиках характеризуется не столько расширением полномочий, сколько эффективным использованием уже достигнутого, например, в правах на внешнеэкономические связи. Вице-премьер правительства Татарстана Р.Муратов заявил, что Казань намерена в ближайшее время

добиваться от правительства Российской Федерации не большей свободы и самостоятельности в экономике, а соблюдения российской стороной принятых обязательств и договоренностей. "Экономическая самостоятельность, можно сказать - свобода - это стратегическая цель руководства Татарстана, и к достижению этой цели мы последовательно продвигаемся. Другое дело - задачи момента."[20] Такая позиция, несомненно, оправдана. К настоящему времени и Татарстан, и Саха (Якутия) достигли очень многого в самостоятельном определении приоритетов своих внешнеэкономических связей, диверсификации внешних экономических контактов. Соседние с ними области и республики хотели бы следовать их примеру. На совещании межрегиональных ассоциаций Дальнего Востока и Сибири было выдвинуто требование к федеральным властям передать регионам больше внешнеэкономических прав и приводились такие данные: Саха(Якутия), обладающая внешнеэкономическими полномочиями, сумела обеспечить в 1994 г. рост внешней торговли (на 11,5% - экспорт, на 4% - импорт), в то время как на других дальневосточных территориях эти показатели резко упали (соответственно на 25,1% и 49,3%)[21].

Татарстану, имеющему большой опыт самостоятельной внешнеэкономической деятельности и подготовленные кадры, его соседями были даны полномочия представлять интересы Поволжья при Координационном Совете Министерства Внешнеэкономических Связей РФ[22]. Расширение разнообразных внешних контактов позволяет оказывать мягкое давление на центральные власти. Например, в такой форме, как это было высказано А.Матвеевым, директором Московского филиала Администрации программы социально-экономического развития Республики Саха (Якутия): "Оказание республике необходимой финансовой и материальной поддержки значительно укрепит авторитет Центра, приведет к ослаблению сепаратистских настроений, воспрепятствует возможному росту иностранного влияния в регионе"[23].

Экономический суверенитет как право распоряжения ресурсами территории может отражать глубокие этнические интересы. В какой мере выступления политических элит рес-

публик, принимаемые ими меры экономической политики значимы для самого населения? Материалы опроса позволяют отразить связь между национальными и экономическими интересами на массовом уровне. Среди условий, "необходимых для возрождения Вашего народа", респондентам был предложен вариант ответа "укрепление самостоятельности, суверенитета республики, контроль за эксплуатацией природных ресурсов". Мнения опрошенных городских жителей приведены в таблице 1.

Обращает на себя внимание, во-первых, дифференциация ответов по республикам, во-вторых, различия в ответах титульных национальностей и русских, живущих в республиках. Население республик Саха(Якутия) и Татарстан, чье руководство стремится проводить самостоятельную экономическую политику, считает экономический суверенитет более значимым, чем население Тувы и Северной Осетии, причем это характерно как для титульных национальностей, так и для русских.

Вместе с тем русские во всех без исключения случаях в меньшей степени отождествляют экономический суверенитет республики проживания с интересами возрождения своего народа. Вероятнее всего, территориальные группы русских видят возрождение своего этноса скорее в масштабах всей России, хотя собственно экономические их интересы в значительной степени связаны с положением республики, в которой они живут. Сходные мотивы могут объяснить и меньшее внимание татар, по сравнению с якутами, к экономическим условиям возрождения своего народа - при значительной территориальной дисперсности, развитие татарского этноса может больше ассоциироваться с культурной консолидацией и восстановлением своего культурного багажа.

От суверенитета республик население скорее ждет улучшения своего материального положения, хотя бы в отдаленной перспективе, чем экономических лишений. Лишь небольшая часть готова на снижение своего жизненного уровня во благо достижения политических целей (16% татар и 7% русских в Татарстане, 15% якутов и 9% русских в Саха(Якутии), 10% осетин и 11% русских в Северной Осетии).

Единственным исключением является население Тувы: здесь 40% тувинцев и 18% русских согласны пожертвовать своим материальным положением для реализации суверенитета. В случае с Тувой любые формы обособления от России действительно означали бы резкое падение существующего стандарта потребления, что, кстати, вполне осознается даже наиболее радикальными национальными движениями.

Ориентация экономической политики на все население республики в принципе создает общность региональных интересов. Она поддерживается и откровенно протекционистскими мерами, такими как преимущества, данные жителям Татарстана при выкупе собственности или временное сдерживание цен в Татарстане и республике Саха. Однако, несмотря на это, заметны различия в оценках экономической ситуации разными этническими группами. Титульными национальностями и русскими высказываются также разные суждения о правах их республики на распоряжение ресурсами, о способах приватизации (см. таб. 1.)

Этническая идентичность титульных национальностей органично включает отождествление себя с государственностью республики и некоторое обособление от общероссийской государственности. Неудивительна поэтому поддержка ими всех действий по утверждению приоритета республики в использовании находящейся на их территории собственности. Более того, люди с выраженной национальной ориентацией значительно чаще поддерживают суверенные экономические права республики. Здесь символические аспекты самостоятельности тесно переплетены с прагматическими. В случае с русскими ситуация прямо противоположна. Они более ориентированы на суверенные права России как целого, хотя значительная доля среди них отстаивает региональные интересы. Среди тех русских, для которых важна их национальная принадлежность, сильнее предпочтение общероссийских органов власти как агентов экономической политики. В утверждении экономического суверенитета республики ими видится угроза сепаратизма.

Вопросы, связанные с экономическим суверенитетом, относятся скорее к национально-идеологическим. Но и в вос-

приятии своего индивидуального экономического положения русские выделяются рядом особенностей. При прочих равных условиях (профессия, уровень декларируемого дохода) они более пессимистичны, чем титульные национальности, относительно своего экономического будущего, чаще считают себя представителями низшего класса. Можно предположить, что моральный выигрыш от национального строительства в республиках в какой-то степени компенсирует для титульных национальностей то, что можно считать временными экономическими трудностями. Это то, что Гарри Джонсон назвал psychic income (психологическим доходом) от национализма в новых государствах. Так, русские в Татарстане, Саха(Якутии) и Туве разошлись с титульными национальностями в оценке изменений, произошедших после провозглашения суверенитета. Однозначно позитивными эти изменения сочли 34% якутов и 10% русских в Саха(Якутии) (однозначно негативными - соответственно 4 и 19%), 24% татар и 12% русских в Татарстане(однозначно негативными -5 и 17%), 21% тувинцев и только 3% русских Тувы (негативными - 10 и 29%). В Осетии, на фоне конфликта с Ингушетией, обе группы достаточно пессимистичны, хотя русские чаще просто не замечают никаких изменений. Что же касается экономических перемен, то в Туве и в Северной Осетии как титульные национальности, так и русские практически не увидели положительных экономических результатов. В Татарстане оценки татар и русских очень сходны: около 20% считают, что положение улучшилось и столько же - что ухудшилось. Лишь в Саха(Якутии) существует разница во мнениях между двумя этническими группами: 27% якутов нашли положительные изменения в экономике, в то время как среди русских - 14%.

Если русские видят положительное в развитии республик после провозглашения суверенитета (в Татарстане и Саха(Якутии), то для них оно практически ограничивается экономикой. Для якутов одинаково важными, а для татар и более важными оказываются изменения в политике, культуре, религии и самочувствии людей. И наоборот, если титульные национальности называют в качестве отрицательных изменений в основном экономические (хотя добавляют и само-

чувствие людей), то русские наряду с экономикой часто указывают и на негативные политические перемены. Эти данные не отрицают того факта, что складывается региональная общность и что русские связывают свое будущее с судьбой региона: от 62% русских в Туве до 87% в Татарстане не собираются покидать республику своего проживания. Но в настоящий период формирование региональной общности в республиках имеет объективную основу лишь в сфере экономики - здесь самостоятельная политика республиканского руководства во взаимоотношении с федеральными властями может благоприятствовать (хотя и не обязательно в одинаковой мере) экономическому положению разных этнических групп.

Таблица 1

Отношение к экономическим аспектам суверенитета(%).

Респонденты, считающие что	Татарстан		Саха (Якутия)		Тува		Северная Осетия	
	татары	русские	якуты	русские	тувинцы	русские	осетины	русские
Экономический суверенитет является необходимым условием для возрождения народа	43	19	57	30	30	14	25	6
Землей, ресурсами распоряжается республика и РФ	21	38	16	24	15	46	32	
Землей и ресурсами распоряжается только республика	62	40	68	26	64	30	57	23
При приватизации преимущества должны иметь граждане республики	21	7	41	24	32	13	33	23

[1] Burnell P.Economic Nationalism in the Third World. Brighton, 1986. P.1.
[2] Breton A. The Economics of Nationalism //Journal of Political Economy, vol.82, 1964.
[3] Olson M.Economic Nationalism and Economic Progress // The World Economy, vol.10, 1987,N3.
[4] Levi D.Economic Nationalism -What it is and what it is not. Manuscript.
[5] Burnell P. Economic Nationalism... P.28-29.
[6] Rappard W. Economic Nationalism. Cambridge, Mass., 1937.P. 10-11. Цитируется по: Burnell P. Economic Nationalism... P.33-34.
[7] Johnson H.(ed.) Economic Nationalism in Old and New States. Chicago, 1967. P.2.
[8] Скопин А. Региональная политика и региональная безопасность России// Вопросы экономики, 1995, N1. С.122-123.
[9] Лавров А.Проблемы и перспективы развития межбюджетных отношений в России// Общество и экономика. 1995, N3. С.12-17.
[10] Республика Саха. 25.0I.1995.
[11] Республика Саха. 1.0I.1995.
[12] Республика Саха. 2.02.1995.
[13] Burnell P. Economic Nationalism... P.38 .
[14] Павленко С. Регионы и региональная политика// Вопросы экономики, 1994, N9. С.11.
[15] См., например, выступление М.Шаймиева // Известия Татарстана, 24, I. 1995.
[16] Johnson H. (ed.) Economic Nationalism... P.128 .
[17] Известия Татарстана. 24.02.1995.
[18] Известия Татарстана. 7.02.1995.
[19] Республика Саха. 7.03.1995.
[20] Известия Татарстана. 18.02.1995.
[21] Республика Саха. 20.01.1995.
[22] Известия Татарстана. 7.01.1995 г.
[23] Республика Саха. 15.02.1995 г.